

САЛТОВО-МАЯЦКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ КЕРЧЕНСКОГО ПОЛУОСТРОВА (КРАТКИЙ ОБЗОР ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ)

В 1958 г. А. Л. Якобсон опубликовал статью, в которой впервые попытался суммировать результаты археологического изучения раннесредневековых памятников Восточного Крыма и Таманского полуострова. В ней же он справедливо обратил внимание на отсутствие интереса к ним со стороны исследователей и, в первую очередь, к салтово-маяцким поселениям Керченского полуострова [Якобсон, 1958а, с. 477]. Действительно, немногие нанесенные на археологическую карту и упоминающиеся в научных публикациях тех лет салтово-маяцкие памятники Керченского полуострова – поселения Тиритака, Мирмекий, Илурат, Алексеевка, были открыты случайно, в процессе разведок и раскопок античных городищ и некрополей, на территории которых они располагались¹. Вследствие этого исследовались они «в очень ограниченном масштабе и не систематично», а общие представления о них длительное время базировались на выборочной информации, полученной археологами-античниками [Якобсон, 1964, с. 36; Гадло, 2004, с. 72; Пономарев, 2008, с. 250–255]. В послевоенные годы попытку исправить это положение предприняли сотрудники Керченского историко-археологического музея. В 1949 г. дирекция музея обратилась к руководству историко-археологического сектора Крымской научно-исследовательской базы АН УССР с предложением проведения совместных археологических разведок побережья Азовского моря, основная цель которых предусматривала выявление остатков поселений «раннеславянского времени»². Одновременно, она выступила с предложением включения в состав работавших на

1 В полной мере представления тех лет относительно топографии салтово-маяцких поселений Керченского полуострова отражают схематические карты, опубликованные А. Л. Якобсоном в 1958 и 1964 гг. [Якобсон, 1958б, с. 544; Якобсон, 1964, с. 151].

2. Поставленная руководством музея задача, а также использованная в документе терминология не отвечали археологическим реалиям, но вполне соответствовали идеологическим установкам и официальной исторической доктрине тех лет [см.: Брайчевский, 2002, с. 175–184].

Керченском полуострове экспедиций ГМИИ и ИИМК специалистов в области славянской археологии и палеолита [Баукова, 2008, с. 191]. Однако положительного отклика эта идея среди археологов-античников не получила и комплексных экспедиций так и не было создано.

В пятидесятые годы к исследованиям на полуострове приступил Восточно-Крымский отряд ИА АН СССР под руководством И. Т. Кругликовой. В рамках поставленных задач основное внимание исследовательница планировала уделить античным памятникам, но благодаря активному участию в работах отряда общественного инспектора по охране памятников культуры В. В. Веселова разведки приняли комплексный характер. С 1949 по 1964 гг. в числе прочих открытых им памятников на археологическую карту Керченского полуострова было нанесено около 170 салтово-маяцких поселений, а с учетом античных памятников, на территории которых были обнаружены немногочисленные фрагменты керамики VIII – первой половины X вв., таких пунктов стало насчитываться свыше 250. К сожалению, результаты его исследований вовремя практически не публиковались и поэтому остались неизвестными широкому кругу исследователей. И, только, совсем недавно Институтом археологии РАН были частично изданы полевые дневники В. В. Веселова, благодаря которым удалось установить местонахождение многих из открытых им салтовских поселений [Веселов, 2005].

Впервые целенаправленную попытку изучения раннесредневековых памятников на Керченском полуострове предпринял Д. Л. Талис [Талис, 1960; Гадло, 2004, с. 71]. В 1960 г. возглавляемая им Восточно-Крымская экспедиция Государственного исторического музея обследовала мыс Казантип, участок побережья Казантипского залива между с. Азовское и с. Верхнезаморское, а также окрестности с. Королево, с. Птичное, с. Калиновка, с. Марфовка, с. Новоселовка и с. Тамарино, расположенных в центральной, северо-западной и юго-западной части полуострова. В результате на археологическую карту было нанесено 23 салтово-маяцких поселения, но материалы разведок своевременно опубликованы не были и лишь недавно введены в научный оборот [Пономарев, 2012а, с. 479–511].

В 1962 г. разведки раннесредневековых поселений на Керченском полуострове продолжил Приазовский археологический

отряд Ленинградского Государственного университета под руководством А. В. Гадло. В процессе работ было обследовано девять поселений, датированных исследователем концом VII или началом VIII – рубежом IX–X вв. [Гадло, 1963; Гадло, 1968а, с. 59–60; Гадло, 1968б, с. 78; Гадло, 2004, с. 71; Зинько, Пономарев, 2013, с. 435–449]. Спустя несколько лет А. В. Гадло опубликовал карту-схему «Южное Приазовье в период Хазарского каганата (конец VII – начала X вв.)», на которой, в пределах Керченского полуострова, обозначил 41 поселение [Гадло, 1968а, с. 60, № 45–85]. Именно она легла в основу всех составленных позднее мелкомасштабных археологических карт салтово-маяцких памятников Крыма.

К сожалению, едва оформившись, программа комплексного изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова была свернута уже к середине 60-х гг. и до конца столетия каких-либо положительных изменений в сложившейся ситуации наметить не удалось. В течение всего этого периода едва ли не единственным источником информации являлись изданные материалы раскопок В.Ф. Гайдукевича, Д. Б. Шелова и А. В. Гадло на Тиритакке, Мирмекии, Илурате, поселениях Алексеевка, Пташкино и Героевка-3 [Яacobсон, 1964, с. 38; Пономарев, 2008, с. 260–261]. Что особенно досадно, не были подробно опубликованы результаты разведок Д. Л. Талиса и А. В. Гадло, а многолетние исследования В. В. Веселова, за исключением античных памятников, вообще не нашли отражения на страницах научных изданий. Как следствие, опубликованные к настоящему времени археологические карты салтовских поселений Керченского полуострова не отразили реальной ситуации и нуждаются в существенных дополнениях и корректировке [Яacobсон, 1970, с. 27–29, рис. 1, 68–82; Баранов, 1981, рис. 1; Баранов, 1990, рис. 1, 2–46; Айбабин, 1999, рис. 78; Плетнева, 2000, рис. 104]³. Составление такой карты следует рассматривать в качестве одной из приоритетных задач современной медиевистики Крыма, при этом реализация этого проекта нуждается в комплексной программе, которая включила бы в себя полную публикацию и ревизию архивных материалов, а также планомерные и широкомасштабные разведки с использованием современных методик и технологий.

Предварительная работа в этом направлении пока что частично. Впрочем, опубликованная в 1970 г. А. Л. Яacobсоном археологическая карта раннесредневековых поселений Крыма, представляла собой по замыслу автора не более чем «предварительную картину распространения памятников в пространстве и времени» [Яacobсон, 1970, с. 8].

проделана только для салтово-маяцких памятников южной части и восточной (между долиной р. Джерджава и Тобечикским озером) оконечности Керченского полуострова [Пономарев, 2011а, с. 343–378; Пономарев, 2009, с. 499–514]. В рамках этого же проекта опубликованы материалы разведок Д. Л. Талиса и А. В. Гадло [Пономарев, 2012а, с. 479–511; Зинько, Пономарев, 2013, с. 435–471].

Картографирование известных на сегодняшний день салтово-маяцких поселений Керченского полуострова позволило выявить ряд общих закономерностей в их размещении. Большинство из них располагалось в восточной его части, видимо, тяготея к Боспору и пролежавшим по Керченскому проливу морским торговым коммуникациям. Несколько десятков поселений обнаружено в северо-западной части полуострова, преимущественно на побережье Азовского моря и долинах степных рек. Юго-западная часть полуострова, включая побережье Черного моря от м. Чауда до Ак-Монойского перешейка, как и в античное время, оставалась практически незаселенной. Освоению этого обширного региона препятствовали неблагоприятные физико-географические условия, прежде всего, недостаток пресной воды и малопригодные для сельскохозяйственного использования солонцеватые черноземы и степные солонцы.

В зависимости от ландшафтно-топографических условий поселения можно разделить на две группы. Поселения первой группы располагались на побережье Керченского пролива, Черного и Азовского морей, при этом, прежде всего, осваивались берега заливов, бухт, пологие площадки мысов и морские террасы. К сожалению, реальную картину освоения приморских участков полуострова воссоздать уже вряд ли удастся, поскольку часть поселений безвозвратно утрачена в результате береговой абразии и эрозионных процессов.

Во вторую группу объединены поселения, обнаруженные в отдаленных от моря районах полуострова. Как правило, они занимали долины степных рек, балки с сезонными водотоками, южные склоны холмистых гряд и возвышенностей. Гораздо реже заселялись безводные вершины плато и останцевых холмов, причем, в большинстве своем, именно в том случае, если на них некогда располагались античные городища и поселения, руины которых были довольно привлекательны с утилитарной

точки зрения. Некоторые поселения размещались на территории позднеантичных могильников, практический интерес к которым обозначился благодаря склепам, повторно использовавшимся в качестве готовых жилищ или хозяйственных помещений. В наиболее пригодных для проживания и эффективной хозяйственной деятельности районах плотность населения резко возрастала. К их числу можно отнести окрестности горы Опук, балку Чикграл-Джилга в юго-восточной части полуострова, участок побережья Керченского пролива у пос. Эльтиген и некоторые участки Азовского побережья от мыса Казантип до мыса Зюк. Не менее плотно, видимо, была заселена ближайшая округа Боспора, включая прилегающие к нему с севера долины рек Мелек-Чесме, Катерлез и Булганак. К сожалению, в настоящее время этот район едва ли не полностью поглощен городской застройкой Керчи и практически недоступен для археологических разведок [Зинько, Пономарев, 2005а, с. 408–410].

Прежде чем продолжить краткий обзор поселений, следует отметить, что лишь немногие из них подвергались планомерным и широкомасштабным раскопкам. К тому же исследованные участки располагались на большом расстоянии друг от друга, препятствуя, таким образом, целостному восприятию памятника. Вследствие этого с большими допущениями определяются не только размеры поселений, но и реконструируется их планировка и инфраструктура. В достаточной степени уверенно можно лишь полагать, что подавляющее их большинство представляло собой неукрепленные селища с обособленными и хаотично расположенными жилыми постройками, сооружавшимися на расстоянии от нескольких метров до 150 м друг от друга.

В качестве одного из примеров можно привести поселение Пташкино. Его размеры по обмерам А. В. Гадло составляли 300 × 500 м, занимаемая площадь не менее 15 га. В пределах поселения исследователь зафиксировал порядка десяти построек, остатки которых хорошо прослеживались в виде невысоких всхолмлений с развалами необработанных камней. В свою очередь, В. В. Веселов их насчитал не менее двадцати. Располагались постройки двумя вытянутыми с севера на юг рядами, расстояние между которыми варьировалось в пределах 70–100 м. К юго-востоку от них находились зольники, диаметром от 15 до 30 м и высотой до 0,5 м [Гадло, 1963, с. 7–9; Гадло, 1971, с. 62–63; Гадло, 1980, рис. 1;

Гадло, 2004, с. 73].

Примерно такая же планировка была зафиксирована А. В. Гадло на поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-Западное. Их протяженность в направлении север – юг достигала 1,5 км, а в направлении запад – восток варьировалась в пределах 0,2–0,8 км [Scholl, Zin'ko, 1999, p. 49–52; Зинько, Пономарев, 2000, с. 189, рис. 1, 6]. На этой территории А. В. Гадло выявил 12 зольников диаметром до 30 м и 40 построек, прослеженных в виде скоплений необработанного камня, диаметром до 50–70 м. Постройки находились на расстоянии до 100–200 м друг от друга, при этом некоторые из них вместе с зольниками группировались в «гнезда», располагавшиеся с севера на юг, параллельно берегу моря. В промежутках между ними подъемный материал был представлен немногочисленными, а порою единичными фрагментами керамики. Характер расположения остатков построек и тяготевших к ним зольников позволил исследователю прийти к выводу, что каждый из этих комплексов представлял собой отдельную усадьбу или «хозяйственную бытовую единицу» [Гадло, 1964, с. 5; Гадло, 1968б, с. 78; Пономарев, 2011б, с. 294, рис. 1; Пономарев, 2011в, с. 226].

Среди других поселений, планировку которых удалось частично реконструировать, благодаря сохранившимся на дневной поверхности остаткам построек, следует упомянуть поселение «над источником», занимавшее небольшую, обращенную к морю, котловину на южном склоне г. Опук. В центральной части поселения, площадь которого составляла не менее 14 га, В. К. Голенко зафиксировал остатки 25 «усадьб», состоящих из нескольких примыкавших друг к другу жилых и хозяйственных помещений. Прилегающие к постройкам небольшие приусадебные участки ограждались невысокими каменными стенами. На склонах террас в северной и южной части поселения прослежено не менее 20 округлых в плане сооружений в виде каменных оград, представлявших собой открытые загоны для мелкого рогатого скота. К некоторым из них были пристроены прямоугольные постройки площадью до 99 кв. м, вероятно, стойла-зимники, функционально связанные с загонами в один комплекс [Голенко, 2007, с. 236, рис. 103].

Более детально изучена планировка отдельных участков поселений на городище Тиритака и Героевка-3, раскопки на которых проводились широкими площадями. Так, на раскопе II–IV площадью 304 кв. м, заложенном А. В. Гадло в центральной части поселения

Героевка-3, были открыты пять индивидуальных жилых построек относящихся к двум строительным периодам. Располагались они на расстоянии нескольких метров друг от друга, а между ними находились хозяйственные ямы и зольник размерами 7,3 × 6,8 м [Гадло, 1969, рис. 1; Гадло, 1968б, рис. 21]. Южнее, на раскопе VIII были открыты еще два жилища с прилегающим к одному из них участком двора и небольшой зольник [Гадло, 1969, с. 160–164, рис. 2].

В свою очередь в центральной части городища Тиритака в пределах раскопа XXVI площадью 1025 кв. м. были исследованы остатки как минимум четырех построек, но, учитывая плохую сохранность культурного слоя, можно полагать, что их было больше. Как и на поселении Героевка-3, в единый хозяйственный комплекс с ними входили очаги, хозяйственные ямы и зольник [Зинько, Пономарев, 2009, рис. 13].

Отдельную группу составляют поселения, где, несмотря на большую исследованную площадь, постройки оказались столь малочисленными или располагались настолько далеко друг от друга, что говорить о какой-либо планировке вообще не приходится. В их числе особенно выделяется поселение на территории позднеантичной крепости Илурат, где помимо одного двухкамерного дома других построек и хозяйственных комплексов выявить не удалось [Гайдукевич, 1958, с. 134–137]. К этой же группе относится поселение на античном городище Мирмекий, на территории которого за все годы раскопок были открыты только две жилые салтово-маяцкие постройки [Гайдукевич, 1952а, с. 177–179; Гайдукевич, 1987, с. 148].

Таким образом, основная масса открытых на Керченском полуострове салтово-маяцких поселений представляла собой обычные неукрепленные селища площадью от 0,1 до 14–15 га с небольшой плотностью застройки. Каких-либо следов квартальной, связанной системой улиц и проулков, планировки проследить не удалось. К тому же достаточно низким оставался и уровень их благоустройства. Также нет никаких оснований полагать, что некоторые из наиболее крупных селищ, к примеру, поселение на городище Тиритака, могли представлять собой «образования полугородского» или «раннегородского» типа. Такое предположение в свое время выдвинул А. В. Гадло, сравнив его с Таматархой и Фанагорией, но убедительных аргументов не привел [Гадло, 2004, с. 75–76].

Ошибочность предложенной для Тиритаки урбанистической модели наглядно иллюстрирует стандартная для всех исследованных салтовских поселений инфраструктура, основные элементы которой представлены жилищами, жилищно-хозяйственными комплексами (постройками с двумя или несколькими помещениями, в том числе хозяйственного назначения), отдельными хозяйственными сооружениями, небольшими комплексами хозяйственных ям – зернохранилищ, очагами открытого типа и зольниками. Они, в свою очередь, формировали хозяйственные структуры, которые вслед за Л. И. Красильниковой и К. И. Красильниковым можно разделить на три типа – закрытые комплексы, дворы и подворья [Красильникова, Красильников, 2013, с. 161–162].

К закрытым комплексам относятся жилища, приспособленные не только для проживания, но и для хозяйственной деятельности одной семьи. Наиболее простой их вариант объединяет однокамерные постройки (полуземлянки или наземные дома), внутри которых были устроены хозяйственные ямы или каменные закрома. Более совершенный вариант представлен двухкамерными или многокамерными наземными домами, одно или два помещения в составе которых использовались в качестве амбара-зернохранилища, стойла для скота или других хозяйственных нужд.

Ко второму типу хозяйственных структур относятся дворы, представлявшие собой небольшой, в редких случаях огороженный или частично вымощенный камнями участок рядом с домом, на территории которого размещались отдельные хозяйственно-бытовые постройки, хозяйственные ямы и очаги открытого типа [Гадло, 1969, рис. 2; Федосеев, Пономарев, 2011, рис. 7; Винокуров, 2004, рис. 7; Новоселова, 2003, с. 170]. Однако на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова их обнаружено немного. К тому же не представляется возможным определить площадь такого рода структур, поскольку ни одна из них еще не исследована полностью.

Третий тип хозяйственных структур представлен подворьями, под которыми обычно подразумевают прилегающую к жилищу территорию, включая двор, с набором сооружений, обеспечивающих хозяйственную самостоятельность семьи. Одна из таких структур входила в состав усадьбы, открытой на поселении Героевка-2. В центральной ее части располагался двухкамерный дом и еще две разновременные постройки, планировку которых реконструировать

не удалось. К северу и югу от них раскопаны остатки каменных изгородей. В пределах подворья, в 10 м к северо-западу от дома располагались пять хозяйственных ям. К югу от жилой постройки, вероятно, находился двор, на территории которого были устроены еще две хозяйственные ямы и небольшой зольник [Зинько, Пономарев, 2005б, с. 241–244, рис. 11, 15].

На остальных исследованных поселениях такие крупные хозяйственные структуры, как подворья, пока еще не раскопаны. Хотя в отдельных случаях, когда на дневной поверхности прослеживаются остатки каменных оград, удается предположительно определить их границы [Голенко, 2007, с. 236].

Гораздо лучше изучены жилища и жилищно-хозяйственные комплексы, типология и эволюция которых были разработаны в работах А. В. Гадло и И. А. Баранова [Гадло, 1971, с. 65–74; Баранов, 1990, с. 41–53]. Однако в последние десятилетия на Керченском полуострове были открыты жилища, которые по своему характеру и планировке не вписывались в предложенные схемы, в связи с чем появилась необходимость их расширить и скорректировать. При разработке нового типологического ряда были учтены более трех десятков жилых комплексов, разделенных на восемь типов [Пономарев, 2012б, с. 191–204]. К первому типу относятся бесстолбовые и каркасно-столбовые полуземлянки с неукрепленными бортами, раскопанные на поселениях Героевка-3, Пташкино, Эльтиген-Западное и Тиритака. Именно этот тип жилищ первым получил распространение среди салтовского населения Керченского полуострова. К первой половине – середине IX в. большинство полуземлянок были заброшены, но к практике их использования изредка обращались и в более поздний период [Пономарев, 2012в, с. 67–72]. Второй тип жилищ представлен полуземлянкой на поселении Пташкино, котлован которой по периметру обложен камнем. К сожалению, ввиду отсутствия датирующего материала она не имеет узких хронологических рамок. В третий тип объединены наземные однокамерные дома поселений Тиритака, Мирмекий, Героевка-2 и Героевка-3. Наиболее ранние из них датируются второй половиной VIII в., а к первой половине IX в. они составляли один из наиболее многочисленных типов жилищ. К четвертому типу относятся однокамерные жилища с хозяйственной пристройкой, открытые на поселении Героевка-3. По-видимому, возводились они одновременно с обычными однокамерными

постройками и функционировали не позднее первой половины IX в. Возможно, в это же время появляются постройки пятого типа – двухкамерные дома-пятистенки, которые считают одним из наиболее характерных признаков византинизации салтово-маяцкой культуры в Крыму. Раскопаны они на поселениях Алексеевка, Мирмекий, Илурат, Героевка-2, Героевка-3, Героевка-6 и Осовины-I [Пономарев, 2013, с. 440–461]. При этом один из них, открытый на поселении Героевка-2, входил в состав усадьбы с огороженным подворьем, появление которых на салтовских поселениях Крыма относят к IX в. или второй половине этого же столетия [Баранов, 1990, с. 50, 52; Айбабин, 1999, с. 202].

Одновременно с домами-пятистенками на поселениях Героевка-3 и Героевка-6 функционировали однокамерные и двухкамерные дома с округлой в плане пристройкой, а на поселениях Тиритака, и «над источником» (г. Опук) – многокамерные дома со смежными помещениями, выделенные соответственно в типы шесть и семь. И, наконец, в восьмой тип объединены жилища, устроенные в античных склепах Кыз-аульского и Илуратского некрополей, однако некоторые из них все же следует трактовать как сезонные загоны для мелкого рогатого скота и убежища скотоводов [Федосеев, Пономарев, 2012, с. 519–520]. Аналогов за пределами Керченского полуострова найти им не удалось.

Таким образом, развитие салтовских жилищ Восточного Крыма прошло путь от традиционных для народов – носителей салтово-маяцкой культуры полуземлянок до домов-пятистенок и многокамерных построек, воплотивших в себе основные принципы византийского домостроительства. Однако представить их в виде эволюционного ряда с узкими, присущими только тому или иному типу построек хронологическими рамками, нельзя, поскольку в разные периоды одновременно функционировали жилища нескольких типов [Пономарев, 2012б, с. 204–205; Пономарев, 2012г, с. 65–98].

В отличие от жилищ отдельных хозяйственно-бытовых построек на салтовских поселениях Керченского полуострова обнаружено очень мало. К тому же в них отсутствовали какие-либо хозяйственные и бытовые устройства, поэтому установить функциональное назначение сооружений чаще всего не представлялось возможным. Среди немногих построек, назначение которых не вызывает сомнений, следует выделить группу округлых в плане замкнутых

оград диаметром от 4-5 до 40 м, обнаруженных на поселении «над источником». И хотя ни одно из них пока еще не раскопано, вполне можно согласиться с тем, что использовались они в качестве загонов для мелкого рогатого скота [Голенко, 2007, с. 236].

Кроме жилища и хозяйственно-бытовых построек в состав одного или нескольких жилищно-хозяйственных комплексов нередко входил зольник. В процессе разведок и раскопок на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова их выявлено уже свыше тридцати [Пономарев, 2012д, с. 52–53]. Предварительно зольники можно разделить на два типа. В первый тип объединены небольшие зольники, отсыпанные как на дневной поверхности, так и в заброшенных хозяйственных ямах, в накоплении и обслуживании которых, скорее всего, принимали участие члены одной семьи. Зольники второго типа занимали территорию до нескольких десятков кв. м, и, по сути, представляли собой «зольные холмы». В отдельных случаях их размеры можно объяснить длительным периодом функционирования. В то же время можно предположить, что некоторые из них отсыпались золой и бытовым мусором, поступавшим из нескольких близлежащих жилищ.

Подобного рода памятники характерны и для других регионов распространения салтово-маяцкой культуры, но их назначение до сих пор остается дискуссионным вопросом. Относительно их функционального назначения сформировались две точки зрения. С одной стороны, предполагается их санитарно-бытовой характер, с другой стороны, превалирует сакральная нагрузка [Ляпушкин, 1958, с. 127; Гадло, 1964, с. 5; Плетнева, 2003, с. 264–269; Плетнева, 2004, с. 64–66; Русанова, 1998, с. 169; Пономарев, 2003, с. 267–273; Сорочан, 2004, с. 169]. Однако обе точки зрения располагают пока что достаточно ненадежной доказательной базой. Действительно, среди многочисленного материала, обнаруженного в зольниках, преобладает бытовой и строительный мусор, но находки, которые можно было бы связать с отправлением культов, исчисляются единицами. С другой стороны, их размещение среди жилых построек, на дневной поверхности и чаще всего без какого-либо ограждения вряд ли можно признать удовлетворительной мерой, отвечающей даже самым заниженным санитарно-бытовым нормам [Пономарев, 2012д, с. 52–54].

Один из наиболее многочисленных типов хозяйственных сооружений на салтовских поселениях Керченского полуострова

составляют хозяйственные ямы, большая часть которых, видимо, предназначалась для хранения зерна. Изнутри их иногда подмазывали водоупорным слоем жидкой глины, а горловины перекрывались известняковыми крышками или жерновами. Часть ям, объемом от 0,7 до 2,2 м³ устраивали внутри помещений, другие во дворах или на территории подворья, на расстоянии от одного – двух до нескольких десятков метров от жилищ. При этом за пределами построек оборудовались как одиночные ямы объемом до 2,5 м³, так и амбарные комплексы, состоявшие из 3–5 ям примерно такого же объема. В отдельных случаях такой комплекс заменяло одно гораздо более вместительное зернохранилище. Наиболее показательна в этом отношении одна из ям на участке XIV городища Тиритака. Ее глубина достигала 3,7 м, диаметр дна составлял 2,5 м. Квадратная в плане горловина была выложена по периметру известняковыми плитами и перекрыта плитой диаметром 0,56 м [Гайдукевич, 1952б, с. 103].

Для хранения зерна или воды иногда использовали пифосы. Чаще всего их закапывали внутри хозяйственных помещений, иногда и за пределами построек, но *in situ* подобного рода находки встречаются не часто.

Помимо обычных для любого рядового селища жилых и хозяйственных сооружений на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова обнаружены немногочисленные культовые постройки и комплексы. Большая часть из них связана с отправлением языческих культов. К их числу, прежде всего, относятся ритуальные захоронения людей и животных (или их частей) в ямах, обнаруженные на поселениях Тиритака, Артезиан, Героевка-2 и Мирмекий [Зинько, Пономарев, 2009, с. 25; Винокуров, 2004, с. 63–73; Зинько, Пономарев, 2005а, с. 242–243; Гайдукевич, 1987, с. 165]. Определенную культовую роль, возможно, имели зольники, но, как уже упоминалось выше, этот вопрос пока остается дискуссионным.

Во второй половине VIII в. среди салтовского населения Крыма стало распространяться христианство, но, к сожалению, археологических материалов, свидетельствующих о массовом проникновении новой идеологии на поселениях Керченского полуострова найдено очень мало. К примеру, удалось обнаружить пока что только один христианский храм – трехнефную базилику, раскопанную близ с. Пташкино [Гадло, 1980, с. 137–139, рис. 4].

Возможно, еще один храм был возведен на поселении Героевка-3, где при расчистке завала одной из построек была найдена мраморная капитель византийско-коринфского ордера для колонны алтарной преграды и обломки двух керамических плиток облицовки пола [Гадло, 1964, с. 33; Гадло, 1980, с. 139, рис. 5].

Не найдено на салтовских поселениях Керченского полуострова и предметов личного христианского благочестия, а изделия с христианской символикой представлены единичными находками. Таким образом, единственным надежным свидетельством повсеместного распространения новой идеологии остаются пока что плитовые могильники.

Малочисленность индивидуальных находок, причем не только культового назначения, является одной из характерных черт салтово-маяцких поселений Керченского полуострова, при этом, как и на любых других периферийных сельских памятниках, подавляющее большинство обнаруженных в процессе их раскопок изделий из глины, кости и металлов, связаны с повседневным обиходом и хозяйственным укладом. В совокупности с наиболее массовыми категориями археологических находок – керамикой и фаунистическим материалом они дают возможность судить об основных направлениях экономической деятельности салтовского населения.

На протяжении всего рассматриваемого периода основой экономики салтовских поселений Керченского полуострова оставались пашенное земледелие и приселищное животноводство. Главной растениеводческой отраслью являлось полеводство, ведущая роль в котором отводилась зерновым (в том числе фуражным) культурам – карликовой и мягкой пшенице, ячменю, просу и ржи. Выращивались также твердая пшеница и ее полбяная разновидность, овес, полба двузернянка, а из зернобобовых культивировался горох. Немаловажное значение сохраняло животноводство. Среди поголовья преобладал крупный и мелкий рогатый скот, свиньи. По мнению И. А. Баранова, во второй половине VIII – X вв. животноводство салтовских поселений в Крыму носило приусадебный характер, с небольшим стадом у каждой семьи. Условия содержания скота позволяют классифицировать его как стойлово-выгонное. В течение дня скот выпасался на ближних пастбищах, а в ночное время размещался в кольцевых загонах, огороженных дворах и других приспособленных для этих целей

легких сооружениях [Пономарев, 2012е, с. 67–71].

Помимо земледелия и скотоводства жители салтово-маяцких поселений Керченского полуострова занимались домашними промыслами и ремеслами.

Развитию рыбного промысла в прибрежных районах способствовала мощнейшая сырьевая база, включавшая в себя биоресурс Азовского и Черного морей, а также запасы самосадочной поваренной соли, добывавшейся летом из рапы соленых озер Керченского полуострова. Охота в отличие от рыболовства играла второстепенную роль, но тем не менее служила одним из основных источников получения пушнины и позволяла разнообразить мясной рацион.

Одной из малоизученных сторон хозяйственной деятельности некоторых салтовских поселений Керченского полуострова остается нефтяной промысел, который заключался в сборе готового сырья из открытых источников Керченского нефтеносного района. Существование данного промысла в рассматриваемый период подтверждают находки в Крыму, на Таманском полуострове и в Подонье причерноморских амфор с остатками нефти и высокогорлых кувшинов с плоскими ручками, стенки которых были покрыты нефтяным налетом. Технология же добычи сырья, надо думать, мало чем отличалась от примитивных способов, описанных путешественниками XVII–XVIII вв. В связи с этим на археологическом материале следы промысла в районе действующих нефтяных источников зафиксировать не удалось [Пономарев, 2012е, с. 72–73].

Небольшая группа изделий и орудий труда свидетельствуют о развитии косторезного промысла, прядения и ткачества. Немаловажная роль отводилась добыче и обработке камня, преимущественно известняка, для бытовых и строительных нужд. Однако выделение раннесредневековых каменоломен среди немногих открытых на Керченском полуострове древних выработок представляет, как правило, неразрешимую задачу.

Особое место в экономике, вероятно, занимало железоделательное производство, но это предположение пока не находит подтверждения в археологических реалиях, поскольку металлургических производственных комплексов обнаружить на поселениях еще не удалось. Однако месторождения Керченского железорудного бассейна разрабатывались, на что указывают

находки шлаков и криц из керченской руды на городище Тепсень и Саркеле [Пономарев, 2012е, с. 71–74].

Не обнаружено на поселениях и гончарных мастерских, хотя, вне всяких сомнений, посуда салтово-маяцкого облика производилась на Керченском полуострове, о чем свидетельствует характерный только для этого региона состав формовочной массы, насыщенной разнообразными включениями из местного сырья. В глину добавляли карбонатные породы, морской песок, дробленую морскую ракушку, шамот, сухую глину, железистые частицы и крайне редко древесный уголь, солому и зерна злаковых культур. Местные гончары производили тарную, кухонную и столовую керамику. К тарным сосудам относятся массивные горшки-пифосы и корчаги, к кухонной посуде – разнообразные по форме и орнаментации горшки и котлы с внутренними ручками-ушками. Столовая керамика представлена немногочисленными находками небольших горшочков с ручкой и мисками. Среди керамических изделий специального назначения отметим маслобойки, крышки для горшков и светильники. Таким образом, местные гончары могли предложить широкий выбор керамических изделий для ведения хозяйства и других повседневных нужд [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 454–462]. Однако на внешний рынок их продукция не поступала, что можно сказать и о большей части продукции других ремесел и промыслов, имевших в основном потребительский характер. Исключение, пожалуй, составляли только нефть и крицы руды, находившие спрос в Крыму и за его пределами. Основным же товаром, который поступал с салтовских поселений Керченского полуострова на внешний рынок, являлась сельскохозяйственная продукция.

К сожалению, ввиду специфики и малочисленности археологического материала, проследить направления и характер их торговых связей можно лишь в общих чертах и в основном благодаря керамическим изделиям. Скорее всего, в роли основного торгового партнера для салтовского населения Восточного Крыма выступал Боспор, но через его порт необходимые товары поступали также из других регионов Таврики и Южного Причерноморья. Постоянные контакты, вероятно, также поддерживались с населением Нижнего Дона, Приазовья, Таманского полуострова и Северного Кавказа. Таким образом, салтово-маяцкое население Керченского полуострова находилось в сфере экономического

влияния не только Хазарского каганата, но и Византии, что неизбежно накладывало отпечаток на их политические, культурные и идеологические взаимоотношения.

И в заключение остановимся на актуальных и по нынешний день вопросах о времени и причинах массового переселения в Крым, в том числе и на Керченский полуостров, народов-носителей салтово-маяцкой культуры и «гибели» их поселений. Относительно нижней хронологической даты исследователи большей частью единодушны, полагая, что основная масса поселений появляется в середине – второй половине (или конце) VIII в. Однако динамика и механизмы этого процесса, а также причины, вызвавшие массовый приток нового населения, остаются до сих пор предметом дискуссий. Сомнению, пожалуй, не поддается лишь мирный характер освоения мигрантами опустевших к тому времени обширных территорий полуострова [Якобсон, 1958, с. 497–500; Якобсон, 1964, с. 35; Гадло, 1973, с. 275; Баранов, 1990, с. 9, 151, рис. 1; Айбабин, 1999, с. 200, 202, рис. 78; Плетнева, 2000, с. 154–155; Могаричев, 2004, с. 163–174; Могаричев, 2005, с. 238; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 142–145; Могаричев, Сазанов, Степанова, Шапошников, 2009, с. 204–206; Могаричев, 2010, с. 70–71; Виноградов, Комар, 2005, с. 46; Науменко, 2002, с. 545; Науменко, 2008, с. 333]⁴.

К числу актуальных проблем относится также выделение на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова комплексов конца VII – первой половины VIII вв. Ранее к ним, помимо «анонимных», не привязанных к археологической карте памятников, относили нижние горизонты поселений Пташкино и Героевка-3 (Героевское), при этом доказательная база сводилась, преимущественно, к историческим построениям авторов [Гадло, 1968а, с. 59, 62; Гадло, 1968б, с. 79; Гадло, 1971, с. 62; Гадло, 1980, с. 135; Гадло, 1991, с. 100; Талис, 1974, с. 92–93; Баранов, 1981, с. 61; Баранов, 1990, с. 45, табл. 1, рис. 1]. Иными словами, на Керченском полуострове надежно датированных археологическим материалом «ранних» комплексов обнаружить пока не удалось [ср.: Сазанов, Могаричев, 2006, с. 181–186; Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 111–118; Могаричев, 2010, с. 69; Науменко, 2004, с. 102–103]. Однако, с другой стороны, принимая во внимание 4. Иную точку зрения разделяет В. К. Голенко. По его мнению, «пустующие земли восточной части полуострова» были освоены только в первой половине IX в., чему способствовало преодоление хазаро-византийских противоречий «на пограничных землях Таврики» [Голенко, 2007, с. 264].

небольшое число исследованных к настоящему времени салтовских поселений, категорически отрицать такую возможность было бы также неверно.

Верхняя дата салтовских поселений Крыма, вслед за А. Л. Якобсоном, А. В. Гадло, С. А. Плетневой, Т. И. Макаровой и другими исследователями, длительное время ограничивалась рубежом IX–X вв. или началом X в. и недвусмысленно связывалась с вторжением на полуостров печенегов [Якобсон, 1958, с. 500–501; Якобсон, 1964, с. 53–54; Гадло, 1968б, с. 79; Талис, 1974, с. 92; Фронджуло, 1974, с. 145–146; Плетнева, 1976, с. 65; Романчук, Омелькова, 1979, с. 102; Макарова, 1991, с. 144]. Иной точки зрения придерживался В. В. Крпоткин, справедливо подметивший, что «следов насильственного внезапного разрушения, которое бы последовало в результате вторжения печенегов в конце IX в.» на салтовских поселениях Восточного Крыма обнаружено не было. По мнению исследователя, запустение региона, а также следы пожаров и разрушений в Херсоне, Партените и Таматархе, были связаны с усилением русской активности на Черном море в середине – второй половине X в. [Крпоткин, 1958, с. 217–218]. Позднее в дискуссию включился Д. Л. Талис, в представлении которого исторические реконструкции А. Л. Якобсона и В. В. Крпоткина выглядели не более чем рабочие гипотезы. Установление же точной даты гибели салтовских поселений Крыма он посчитал возможным лишь при условии их дальнейшего археологического изучения [Талис, 1961, с. 258]. Столь же осторожно к данному вопросу подошел И. И. Ляпушкин. Прекращение жизни на поселениях Восточного Крыма он отнес к X в., когда «произошли какие-то крупные политические события, повлекшие за собой перемещение значительных масс населения» [Ляпушкин, 1958, с. 148]. В свою очередь И. А. Баранов увидел в этом процессе следствие активизации византийской политики во второй половине X в. по восстановлению своей власти в Таврике [Баранов, 1990, с. 152–153; Баранов, 1993, с. 143]. В последние годы мнения вновь разделились. Одни исследователи видят причины катаклизма в обострении политических и экономических отношений Хазарии, Византии и Руси, причем особенно катастрофичным по своим последствиям для региона считают поход хазарского «бул-ш-ци» Песаха в Крым в 940–941 гг. [Айбабин, 1999, с. 227; Майко, 1999, с. 40–45; Майко, 2004, с. 24–45; Майко, 2005, с. 98–101; Голенко, 2007, с. 265]. Другие исследователи предлагают

ограничить верхнюю дату салтовских поселений второй половиной IX в. или второй половиной IX – началом X вв. [Могаричев, Сазанов, Шапошников, 2007, с. 145–155; Сазанов, Могаричев, 2008, с. 585; Могаричев, 2010, с. 74; Науменко, 2011, с. 175].

К сожалению, в пределах второй половины IX – первой половины X вв. разграничить керамический комплекс пока что не представляется возможным, поэтому в ближайшее время дискуссия вряд ли будет завершена. К тому же едва ли не все предложенные реконструкции событий, связанных с финальным этапом салтово-маяцкой культуры в Крыму, рассматривались и рассматриваются в русле внешнеполитических факторов или военной конфронтации. Однако следов не только разрушений и пожаров, но и поспешных сборов на поселениях Керченского полуострова проследить так и не удалось. Тем не менее, салтово-маяцкое население все же покинуло регион, и причины этого массового переселения, а также направление миграции еще предстоит выяснить [Науменко, 2007, с. 266; Науменко, 2011, с. 177].

Литература

Айбабин А. И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

Айбабин А. И. Памятники крымского варианта салтово-маяцкой культуры в Восточном Крыму и степи // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье IV–XIII века. М., 2003.

Баранов И. А. Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. Т. 2. София, 1981.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). К., 1990.

Баранов И. А. Административное устройство раннесредневекового Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (МАИЭТ). Вып. III. Симферополь, 1993.

Брайчевський Ю. М. Кримська сесія 1952 р. // Ruthenica. Т. I. К., 1952.

Баукова А. Ю. Археологічна діяльність Керченського музею у другій половині 40-х – у 50-х рр. XX ст. // Научный сборник Керченского заповедника. Вып. II. Керчь, 2008.

Веселов В. В. Сводная ведомость результатов археологических разведок на Керченском и Таманском полуостровах в 1949–1964 гг.

// Древности Боспора (ДБ). Supplementum. II. М., 2005.

Виноградов А. Ю., Комар А. В. Институт тудуна и хазары в Юго-Западном Крыму VIII – начала X в. в контексте новых данных эпиграфики // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.

Винокуров Н. И. Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам ритуальных захоронений Крымского Приазовья) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. Вып. 3. М., 2004.

Гадло А. В. Отчет о работе средневекового археологического отряда Ленинградского ордена Ленина Государственного Университета им. А. А. Жданова на территории Керченского полуострова в 1962 году. Л., 1963 // Научный архив Института археологии НАН Украины (НА ИА НАНУ), № 1962/41.

Гадло А. В. Отчет о работах Приазовской археологической экспедиции Ленинградского университета в 1963 году (Раскопки раннесредневекового поселения у д. Героевки на берегу Керченского пролива). Л., 1964 // НА ИА НАНУ, № 1963/32.

Гадло А. В. Проблема Приазовской Руси и современные археологические данные о Южном Приазовье VIII–X вв. // Вестник Ленинградского университета. № 14. Вып. 3. Июль. 1968а.

Гадло А. В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР (КСИА). Вып. 113. 1968б.

Гадло А. В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // Советская археология (СА). № 1. 1969.

Гадло А. В. Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости (по материалам Восточно-Крымской степи и предгорий VIII–X вв.) // Этнография народов СССР. Л., 1971.

Гадло А. В. Рец. на кн.: [Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. МИА, 1970, № 168] // Византийский временник (ВВ). Т. 34. 1973.

Гадло А. В. К истории Восточной Таврики VIII–X вв. // Античные традиции и византийские реалии / Античная древность и средние века (АДСВ). Вып. 17. Свердловск, 1980.

Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.

Гадло А. В. Предыстория Приазовской Руси. Очерки истории русского княжения на Северном Кавказе. СПб., 2004.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // *Материалы и исследования по археологии СССР (МИА).* № 25. 1952а.

Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // *МИА.* № 25. 1952б.

Гайдукевич В. Ф. Илурат (Итоги археологических исследований 1948–1953 гг.) // *МИА.* № 85. 1958.

Гайдукевич В. Ф. Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987.

Голенко В. К. Древний Киммерик и его округа. Симферополь, 2007.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Новые памятники салтово-маяцкого типа в окрестностях Керчи // *МАИЭТ.* Вып. VII. Симферополь, 2000.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // *МАИЭТ.* Вып. XI. Симферополь, 2005а.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // *Боспорские исследования (БИ).* Вып. X. Симферополь-Керчь, 2005б.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том. 1. Археологические комплексы VIII–X вв. / *БИ. Supplementum.* Т. II. Симферополь-Керчь, 2009.

Зинько В. Н., Пономарев Л. Ю. Разведки А. В. Гадло на Керченском полуострове в 1962 г. (в свете современных археологических данных) // *БИ.* Вып. XXVIII. Симферополь-Керчь, 2013.

Красильникова Л. И., Красильников К. И. Хозяйственные системы и дань населения степной периферии Хазарского каганата // *Восточная Европа в древности и средневековье. Экономические основы формирования государства в древности и средневековье. XXV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто и памяти чл.-корр. АН СССР А. П. Новосельцева.* Москва, 17–19 апреля 2013 г. *Материалы конференции.* М., 2013.

Кропоткин В. В. Из истории средневекового Крыма (Чуфут-Кале и вопрос о локализации города Фуллы) // *СА.* Т. XVIII. 1958

Ляпушкин И. И. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона // *Труды Волго-Донской археологической экспедиции.* Т. 1. / *МИА.* № 62. 1958.

Майко В. В. Хозари у Криму у другій половині X ст. // *Археологія.* № 2. К., 1999.

Майко В. В. Средневековое городище на плато Тепсень в юго-восточном Крыму. К., 2004.

Майко В. В. Проблемы салтовской культуры Крыма и

Кембриджский аноним // Хазарский альманах (ХА). Т. 4. Киев-Харьков, 2005.

Макарова Т. И. Боспор–Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика: Сб. науч. тр. (к XVIII конгрессу византинистов). К., 1991.

Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Крыма середины-второй половины VIII в. // Херсонесский сборник. Вып. XIII. Севастополь, 2004.

Могаричев Ю. М. О некоторых вопросах истории Восточного Крыма VIII–IX вв. // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Шапошников А. К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.

Могаричев Ю. М. Крым в VIII–X вв.: проблема хазарского присутствия // Научный Татарстан. № 4. Казань, 2010.

Науменко В. Е. К вопросу о характере византийско-хазарских отношений в конце VII – середине IX вв. // Проблемы истории, филологии и культуры (ПИФК). Вып. XII. Москва-Магнитогорск, 2002.

Науменко В. Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // ХА. Т. 3. Киев-Харьков, 2004.

Науменко В. Е. Византийская фема и политические процессы в Таврике в середине IX – начале X вв. // БИ. Вып. XVI. Симферополь-Керчь, 2007.

Науменко В. Е. К вопросу о титулах «топарх» и «кир» в истории Таврики конца VIII – начала IX вв. // Херсонесский колокол: Сборник научных статей, посвященный 70-летию со дня рождения и 50-летию научной деятельности Виталия Николаевича Даниленко. Симферополь, 2008.

Науменко В. Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // АДСВ. Вып. 40. Екатеринбург, 2011.

Новоселова Н. Ю. Археологические памятники раннего средневековья. Приложение 4. // Соловьев С. Л. Археологические памятники сельской округи и некрополя Нимфея. СПб., 2003.

Плетнева С. А. Хазары. М., 1976.

Плетнева С. А. Очерки хазарской археологии. Москва-Иерусалим, 2000.

Плетнева С. А. О значении зольников на поселениях хазарского времени // *Stratum plus* 2001–2002. № 5. Кишинев, 2003.

Плетнева С. А. Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // *Природа*. № 9. М., 2004.

Пономарев Л. Ю. Салтовское укрепление и святилище у с. Заветное // *БИ*. Вып. III. Симферополь-Керчь, 2003.

Пономарев Л. Ю. К истории археологического изучения салтово-маяцких памятников Керченского полуострова (30–60 гг. XX в.) // *БИ*. Вып. XIX. Симферополь-Керчь, 2008.

Пономарев Л. Ю. К археологической карте средневековых памятников восточной оконечности Керченского полуострова // *БИ*. Вып. XXI. Симферополь-Керчь, 2009.

Пономарев Л. Ю., Пономарева И. А. Редкие формы салтово-маяцкой непоощенной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // *Сугдейский сборник*. Вып. IV. Киев-Судак, 2010.

Пономарев Л. Ю. К археологической карте памятников VIII – первой половины X вв. южной части Керченского полуострова // *БИ*. Вып. XXV. Симферополь-Керчь, 2011а.

Пономарев Л. Ю. Плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // *Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур. Боспорские чтения*. Вып. XII. Керчь, 2011б.

Пономарев Л. Ю. О разведках и раскопках А. В. Гадло на салтово-маяцких поселениях Героевка-6 и Эльтиген Юго-западное (Керченский полуостров) // *Древности Восточной Европы. Сборник научных трудов к 90-летию Б. А. Шрамко*. Харьков, 2011в.

Пономарев Л. Ю. О разведках и раскопках Д. Л. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. // *БИ*. Вып. XXVI. Симферополь-Керчь, 2012а.

Пономарев Л. Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // *Сугдейский сборник*. Вып. V. Киев-Судак, 2012б.

Пономарев Л. Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные

постройки и полуземлянки) // Дриновський збірник. Т. V. Харків-Софія, 2012в.

Пономарев Л. Ю. Жилища салтово-маяцких поселений в окрестностях поселка Эльтиген (Керченский полуостров) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 9. Хазарское время. Донецк, 2012г.

Пономарев Л. Ю. Зольники салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // I Бахчисарайские научные чтения памяти Е. В. Веймарна. г. Бахчисарай, КРУ «Бахчисарайский историко-культурный заповедник 5–7 сентября 2012 г.». Тезисы докл. и сообщ. Бахчисарай, 2012д.

Пономарев Л. Ю. Хозяйственная деятельность населения салтовской культуры Керченского полуострова (краткий обзор археологических источников) // Салтово-маяцька археологічна культура: проблеми та дослідження. Вип. 2. Харків, 2012е.

Пономарев Л. Ю. Двухкамерные жилища (дома-пятистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // Ρωμαιοί: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantina Ucrainensis. Т. 2. Харьков, 2013.

Романчук А. И., Омелькова Л. А. Средневековое поселение на левом берегу реки Бельбек // Социальное развитие Византии / АДСВ. Вып. 16. Свердловск, 1979.

Русанова И. П. Культурные зольники скифского времени // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. Крым и Хазария в конце VII – VIII вв. // ПИФК. Вып. XVI/1. Москва-Магнитогорск, 2006.

Сазанов А. В., Могаричев Ю. М. К вопросу о времени прекращения хазарского присутствия в Крыму // ПИФК. Вып. XXI. Москва-Магнитогорск, 2008.

Сорочан С. Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // ХА. Т. 3. Киев-Харьков, 2004.

Талис Д. Л. Отчет о работе Восточно-Крымской экспедиции Государственного исторического музея в 1960 г. // НА ИА НАНУ, № 1960/42.

Талис Д. Л. Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет // ВВ. Т. XIX. 1961.

Талис Д. Л. Росы в Крыму // СА. № 3. 1974.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Салтово-маяцкое поселение «Эльтиген-Памятник» на берегу Керченского пролива // Научный

сборник Керченского заповедника. Вып. III. Симферополь, 2011.

Федосеев Н. Ф., Пономарев Л. Ю. Склеп № 6 на Кызаульском некрополе // ДБ. Т. 16. М., 2012.

Фронджуло М. А. Раскопки в Судаке // Феодальная Таврика. К., 1974.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые поселения Восточного Крыма // МИА. № 85. 1958а.

Якобсон А. Л. Города Северного Причерноморья в V–IX вв. // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. М., 1958б.

Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Очерки истории и истории материальной культуры. М.–Л., 1964.

Якобсон А. Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. № 168. 1970.

Сокращения

АДСВ – Античная древность и средние века

ВВ – Византийский временник

БИ – Боспорские исследования

ДБ – Древности Боспора

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории и этнографии

Таврии

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НА ИАНАНУ – Научный архив Института археологии НАН

Украины

ПИФК – Проблемы истории, филологии и культуры

СА – Советская археология

ХА – Хазарский альманах

Л. Ю. Пономарьов

Салтово-маяцькі поселення Керченського півострова (короткий огляд за археологічними даними)

Резюме

У статті наведений короткий огляд салтово-маяцьких поселень Керченського півострова, що датуються другою половиною VIII – першою половиною X ст. Оглянуті їхні топографічні особливості,

планування, основні елементи інфраструктури і економіка. Приділено увагу дискусії відносно нижньої та верхньої хронологічних дат поселень.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, салтово-маяцькі поселення, Керченській півостров.

Л. Ю. Пономарев

**Салтово-маяцкие поселения Керченского полуострова
(краткий обзор по археологическим данным)**

Резюме

В статье приведен краткий обзор салтово-маяцких поселений Керченского полуострова, датирующихся второй половиной VIII – первой половиной X вв. Рассмотрены их топографические особенности, планировка, основные элементы инфраструктуры и экономика. Уделено внимание дискуссии относительно нижней и верхней хронологической даты поселений.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, салтово-маяцкие поселения, Керченский полуостров.

L. Ponomarev

**Saltovo-Majaki settlements of the Kerch Peninsula
(an overview of the archaeological data)**

Summary

The article gives a brief overview of Saltovo-Mayaki settlements of the Kerch Peninsula, dating from the second half of the VIIIth – the first half of the Xth century. Considered their topographical features, the layout, the main elements of the infrastructure and the economy. Paying attention to discussions on the bottom and the top of the chronological date of settlements.

Key words: Saltovo-Majaki culture, Saltovo-Majaki settlements, Kerch Peninsula.